

Е.А.Тоддес

О МИРОВОЗЗРЕНИИ П.А.ВЯЗЬМСКОГО
ПОСЛЕ 1825 ГОДА

Научное представление о мировоззрении Вяземского в достаточной степени определено. В ряде работ последних лет укоренившаяся формула С.Н.Дурылина была подвергнута тщательной проверке и значительно уточнена на основании богатых архивных данных и в рамках соответствующих концепций. После монографий Г.Витгенса (G. Wittgen) и М.И.Гиллельсона приращение Вяземского к второстепенной литературе окончательно устарело. Однако введенный в оборот материал (в том числе давно опубликованный) настолько обилен и настолько насыщен оценочными и афористическими суждениями, "многозначными" идеологическими построениями, характеристиками и самохарактеристиками, что не покрывается выработанными концепциями. Мы обращаем внимание на некоторые высказывания Вяземского, позволяющие расширить и детализировать представление о его мировоззрении после 1825 года, преимущественно 30-х годов, и в частности - показать более сложный, чем принято думать, нецелостный характер отдельных сегментов системы его воззрений. Эта сложность выявляется путем сопоставления высказываний, получивших ранее научную интерпретацию, с другими - содержащими противоположное или во всяком случае иное решение той же идеологической темы. Структурированные по этому признаку высказывания образуют контекст каждого данного; целый текст (письмо, статья, запись в записной книжке), фрагментом которого данное высказывание является, в большинстве случаев специально не рассматривается и учитывается лишь в предварительном порядке (как необходимое условие понимания). ~~Наш анализ~~

не преследует также собственно биографических целей, имея в виду биографию идеологическую.

Мировоззрение Вяземского, во всяком случае 10-40-х годов, с полным основанием принято считать западническим. Именно он ввел (в 1827 году в "Московском телеграфе") понятие "квасной патриотизм", и следует согласиться с утверждением М.И.Гиллельсона: "Суждение Вяземского об истинном и квасном патриотизме сконцентрировало наиболее энергичные проявления дворянской оппозиционной мысли в годы после поражения декабристов"¹. В том же 1827 году Вяземский характеризовал себя так: "Я - европейское растение: мне в Азии смертельно"². В 1831 году Вяземский, как известно, разошелся с господствовавшей в русском общественном мнении точкой зрения по польскому вопросу, позднее критиковал славянофилов. В 1842 году он писал Жуковскому в Германию: "Ты кончаешь, как надобно было тебе кончить. Ты жил для России, живи теперь для себя, и это будет - жить для России. Можно быть русским и не быть приписанным к русской земле. Я иначе понимаю патриотизм. Как ни желаю свидания с тобою, как ни желал бы дотянуть с тобою последние наши годы, но не зову тебя к нам"³.

Но помимо суждений этого - доминирующего - типа выделяется группа высказываний, которые условно можно назвать русофильскими и которые образуют альтернативу доминанте данного сегмента системы воззрений. В истории русской общественной мысли асимметричная реализация одной из центральных для послепетровской культуры антитез - "Россия - Запад" является нормальной. У Вяземского асимметрия выражается не в том, что представлены тексты только западнического типа (как, например, у Шишкова - русо-

¹ Г и л л е л ь с о н М.И. П.А.Вяземский. Жизнь и творчество. Л., "Наука", 1969, с.156.

² Остафьевский архив, т.III, СПб., 1899, с.167.

³ Там же, с. 293 - 294. Ср. новейшую ст. М.И.Гиллельсона: "Русская литература", 1974, № 2, с. 121 - 130.

(фильского), а в соотношении высказываний двух типов. При этом высказывания обоих типов часто размещены в пределах одного текста — дистрибуция, которая не дает возможности констатировать ни некое коренное национальное пристрастие, ни неподвижный европеизм. Налицо некоторая диалектика двух культурных начал. При этом самостоятельное развитие национальной темы не характерно для текстов Вяземского, но посредством обеих корреспондирующих противоположностей может выражаться реакция на какой-либо «внеациональный» политический или идеологический «раздражитель», не обуславливающий сам по себе рефлексии именно такого рода. Можно было бы сказать, что основное противопоставление выступает не в конститутивной, а в прагматической функции. Так происходит у Вяземского в 1828 году после отказа в разрешении занять место при главной квартире 2-й армии. Его обширное письмо А.Тургеневу от 18 апреля зафиксировало варьив и своеобразного национализма, и резких «антипатриотических» настроений. О приближенных Николая I он писал: « (...) когда блеснет минута, в которую весело быть русским, тогда во мне не признают коренных свойств и говорят: сяди себе с Богом, да перекрестись, какой ты русский! у нас русские — Александр Христофорович Бенкендорф, Иван Иванович Дибич, Черт Иванович Нессельроде и проч. и проч.». Сразу за этим следует (Вяземский имеет в виду И.Тургенева, после восстания декабристов лишенного возможности вернуться из-за границы): «И есть же люди, которые почитают за несчастье быть удаленным из России. Да что же может дать эта Россия? (...) Не дает она вам солнца и дать не может, ни солнца (физического), ни солнца нравственного»⁴. В этом же письме Вяземский посылает свою сатиру «Русский бог», где «антирусские» куплеты оканчиваются «антинемецким» выпадом. В связи с тем же инцидентом он, сравнивая в Записной книжке положение военных-иностранцев при Петре I и Николае I, утверждал, что

⁴ Архив братьев Тургеневых, вып.6, т.1. Пг., 1921, с.71.

после Суворова и Румянцева России не нужны победы Дибича. "Что сказали бы Державины, Петровы, если бы воинственной лире их пришлось бы звучать готическими кменами: Дибича, Толля? На этих людей ни один русский стих не встанет" ⁵. Отсюда и скептические упоминания о русско-турецкой войне типа: " (<...> Может ли быть что-нибудь для русского честолюбия в андраевской ленте Дибича или в владимирской Бенкендорфа?" ⁶ И в этом же письме от 15 октября 1828 года рядом с "русским честолюбием" вырастает целая теория "отрицательного патриотизма": "Русский патриотизм может заключаться в одной ненависти России, такой, какой она нам представляется. (<...> Другой любви к отечеству у нас не понимаю" ⁷. Мысль о любви-ненависти к России вносится в Записную книжку и сопровождается измененной цитатой: "В этой любви патриот может сказать с Жуковским:

В любви я знал одни мученья" ⁸.

(Апогеем этой линии было возникшее после доноса желание эмигрировать, о котором Вяземский писал А.Тургеневу осенью 1828 года).

И направленное против правительственной бюрократии русофилство ⁹, и "отрицательный патриотизм" с его по-

⁵ В я з е м с к и й П.А. Записные книжки. М., Изд-во АН СССР, 1963, с.80.

⁶ Остафьевский архив, т. III, с.178-179.

⁷ Там же, с.181.

⁸ В я з е м с к и й П.А. Записные книжки, с.87.

⁹ Как известно, национально-патриотическая пропаганда использовалась декабристами. В позднейшей приписке к "Моей исповеди" Вяземский указал, что это явилось одной из причин расхождения между ним и членами тайного общества (Записные книжки, с.155). "Русский бог" и приведенные высказывания Вяземского показывают, что оплошечное антибюрократическое русофилство, во всяком случае в конце 20-х годов, не было чуждо и ему. В его архиве хранился список агитационной песни Рылеева и Бестужева "Царь наш - немец русский" (См.: О к с м а н Ю.Г. Агитационная песня "Царь наш - немец русский". - "Литературное наследство", т.59.М., 1954, с.76-79).

ложительной ипостасью — западничеством¹⁰ выступает как выражение политической оппозиционности. Более глубокие аспекты антитезы "Россия — Запад", представляемые в приведенных высказываниях в неявном виде, в других случаях также получают выражение. В этом смысле показательна полемика Вяземского с А.Тургеневым по поводу того места в "Фонвизине", где критикуется новое воспитание, которое "не умело теснее согласовать необходимые условия русского происхождения с независимостью европейского космополитства". Вяземский в этом месте цитировал Карамзина: "Все народное ничто перед человеческим. Главное дело быть людьми, а не славянами" — и относил его формулу к "воспитанию народному", тогда как в личном должно быть принято другое правило: "именно для того, чтоб быть европейцем, должно начать быть русским"¹¹. В письме от 2 июня 1830 года А.Тургенев, перечитавший "Гресьма русского путешественника", восхищается формулой Карамзина и критикует отступления от нее в "Истории государства российского". Все это он связывает с "Фонвизиним", упрекая Вяземского в "пристрастии к русскому дворянскому воспитанию": "неужели Вяземский искренно думает, что коренное основание воспитания — в Часослове, и сожалеет о детях другого поколения, учившихся по Лафонтену? Впоследствии ты сам себе противоречишь". Вяземский парирует: "часословное воспитание давало нам Паниных, Румянцевых, Орловых, Храповицких, Фонвизинных <...> ты сам, отец твой — часословные ученики; это не помешало вам быть европейцами, а только сохранило в вас русское начало". Далее ответ Вяземского напоминает пушкинское изречение о языке москов-

¹⁰ См. особ.: Записные книжки, с. 84, где в записи, датируемой В.С.Нечаевой началом 1829 г., Вяземский сравнивает свое положение с тюремным заключением и прямо противопоставляет этому конституционные свободы Англии и Франции.

¹¹ Вяземский П.А. Полное собрание сочинений, т. V. СПб., 1880, с. 19-20.

ских просвирен: "Где же набраться нам русского духа, как не в детских? В обществе нет его, в службе и не бывало. Если не запасешься им от нянюшек, дядюшек, бабушек, то дело конченное, и выдет Тюфякин или Нессельроде <...>"¹². Здесь же Вяземский указывает, что его расуждения следует читать и между строк.

Таким образом, цитированный отрывок "Фонвизина" и эпистолярный комментарий автора эксплицируют два аспекта идеологического комплекса "Россия - Запад" - историко-культурный и общественно-политический (вплоть до выпада против министра - всегдашнего объекта насмешек Вяземского). Рассуждения Вяземского могут показаться всего лишь "справедливо" уравнивающими европейское и национальное начала. Однако реакция Тургенева свидетельствует о том, что они были сформулированы и воспринимались не как сбалансированные, а скорее как парадоксальные, особенно потому, что пафос других страниц книги был явно западнический. Замечание Тургенева "Впоследствии ты сам себе противоречишь" по сути дела имеет в виду доминирование западнической точки зрения в монографии. Это полностью подтверждается в главе о письмах Фонвизина из-за границы. Здесь Вяземский в смягченном виде повторяет суждения "отрицательного патриотизма", а материал биографии Фонвизина, как установлено, подает полемически и модернизированно - в свете споров с Пушкиным, начавшихся по поводу польских событий 1830-1831 годов¹³. М.И. Гиллельсон определяет позицию Вяземского как промежуточную между русофильствующим Пушкиным и западником Тургеневым и отмечает, что подв-

12 Остафьевский архив, т. III, с. 204, 208. Polemika шла по поводу отрывка из "Фонвизина", помещенного в "Литературной газете", 1830, № 17, с. 133-135.

13 Новонайденный автограф Пушкина. Подготовка текста, статья и комментарии В.Э. Вацуры и М.И. Гиллельсона. М.-Л., "Наука", 1968, с. 79-87. Г и л л е л ь с о н М.И. Указ. соч., с. 211-215.

нее, около 1833 года, когда Вяземским был написан меморандум "О безмолвии русской печати", он и Пушкин сошлись на необходимости разъяснить в прессе политику русского правительства в польском вопросе ¹⁴. Для нас существенно, что точка зрения Вяземского внутренне сложна, и, по-видимому, именно этим обусловлена его срединная позиция и последующее сближение с Пушкиным. Срединная по отношению к двум другим точкам зрения, эта позиция не является простым компромиссом, но сама (внутри себя) создается напряжением двух начал.

Подтверждение этому можно найти и в других, в том числе более поздних текстах Вяземского. В статье "Языков и Гоголь" (1847) национальная тема развита следующим образом. Высказывается утверждение, согласно которому Державин и Языков — поэты национальные ("ни капли иноплеменной крови"). Это положение ограничивается и усложняется специально заявленным отказом от понятия "народность" — тезис в данном контексте и на фоне эстетических и литературно-критических представлений эпохи не менее парадоксальный, чем апология "часословного" воспитания, — причем используется парафраз того же афоризма Карамзина, но уже без оговорок, которые понадобились в "Фонвизине": "Первоначально мы люди, а потом уже земляки, то-есть областные жители" ¹⁵. Но отказ от понятия "народность" в свою очередь не безусловен, поскольку Вяземский здесь же предлагает собственное его толкование в противовес бытующим ложным, одно из которых обозначено как "призрак немецкой философии". Последнее не случайно — о славянофильстве в целом Вяземский писал: <...> эти отчаянные русословы — более всего немцы <...> коренная Русь, верно, их не понимает и не признает" ¹⁶.

¹⁴ Г и л л е л ь с о н М.И. Указ.соч., с.214,227.

¹⁵ В я з е м с к и й П.А. Полное собрание сочинений, т.II. СПб., 1879, с.312.

¹⁶ Г и л л е л ь с о н М.И. Указ.соч., с.297.

Таким образом, дискурсивная энергия Вяземского постоянно затрачивается на диалектическую работу конструирования некоей равнодействующей между западническим и русофильским направлениями его мысли ¹⁷.

Что касается польского вопроса, здесь сказалось то обстоятельство, что "национализм" Вяземского в отличие от пушкинского носил в это время преимущественно внутри-, а не внешнеполитический характер. Характерно, что, занимая в целом по польскому вопросу позицию "отрицательного патриота", Вяземский и эту, очередную свою оппозицию дополняет очередными выпадами против Нессельроде. Он писал А.Я.Булгакову 26 декабря 1830 года: "Смешно сказать, что министерство внешних дел наших в руках, кому и Россия - внешнее дело, а язык русский - тарабарская грамота" ¹⁸. В то же время используются и западнические аргументы: "Мы тормоз в движениях народов к постепенному усовершенствованию нравственному и политическому. Мы вне возрождающейся Европы, а между тем тяготеем на ней" ¹⁹. Однако следует помнить, что Вяземский вовсе не симпатизировал полякам и не подвергал сомнению право России на управление Польшей - он делал упор на неумение управлять. Считая

¹⁷ Ср. в послании "К Языкову" (1833), где тщательно выдержанное на протяжении первых двадцати стихов развернутое уподобление "студенческие стихи Языкова - русское завоевание Дерпта под знаменем Державина" разрешается не "победой", а "союзом": Языков

Священный заключил союз:
Орла поэзии двуглавой
С орлом германских древних муз.
Он твой, сей Дерпт германо-русский!

и т.д.

Со всем сказанным ср. также замечание В.В.Виноградова о том, что стиль Вяземского сочетает "краски Вольтера, Шатобриана, Бенж.Констана и русской барской престолярности" (В и н о г р а д о в В.В. Проблема авторства и теория стилей. М., Гослитиздат, 1961, с.374-375).

¹⁸ "Русский архив", 1879, кн.2, с.114.

¹⁹ Записные книжки, с.214.

равдел Польши первоюродным политическим грехом, он допускал предоставление ей независимости, но не как осуществление национального суверенитета, а как наиболее дальновидное дипломатическое решение проблемы — "но такая мысль слишком широка для головы какого-нибудь Нессельрода (...) "²⁰. Для Вяземского стихи Пушкина и Жуковского по поводу польских событий дурны прежде всего потому, что в подавлении восстания "ни на грош поэзии". Аналогичным образом он критиковал эпилог "Кавказского пленника", но в обоих случаях сама государственная политика не оспаривалась. Это также облегчало сближение с Пушкиным около 1833 года: внешняя политика России как великой державы была в целом приемлема для Вяземского, она нуждалась лишь в просветительском обосновании. В этой области контакт с правительством казался более осуществимым, чем во внутриполитической. Просвещенное влияние здесь предполагало достаточно тонкое сочетание европеизма и национальных интересов: еще 17 июня 1832 года Вяземский подробно и иронически писал жене об антилиберализме и "холопском патриотизме" французской брошюры кн. Э. Мещерского "Письма русского, адресованные господам редакторам "Revue européenne" "²¹. Отношение его к русской публицистике, рассчитанной на Европу, продолжало оставаться настороженным, как и в 1827 году, когда он критически отзывался об антигаллизме Я. Толстого, выступившего против книги Ф. Ансло "Шесть месяцев в России" "²².

Если глубинная организующая антитеза "Россия — Запад" составляет константную идеологическую основу всех выска-

²⁰ Записные книжки, с. 212-213.

²¹ "Звенья", т. 9. М., Госкультпросветиздат, 1951, с. 394. Об Э. Мещерском см.: М а з о н А. Князь Элим. — "Литературное наследство", т. 31-32. М., Изд-во АН СССР, 1937.

²² Остафьевский архив, т. III, с. 167-168.

званий Вяземского, затрагивающих национальную тему, то соотношение русофильства и западничества, обуславливающее их конкретный общественно-политический смысл, эволюционирует: примерно с середины 30-х годов оба эти начала теряют оппозиционное содержание, западничество становится менее активным, выносятся за скобки (причем появляются критические суждения о Франции), русофильство усиливается и получает новое "значение" — оно противопоставляется "демократическому" духу времени, который в свою очередь трактуется как национально чуждый. Тем самым русофильство взамен внутриполитической оппозиционной направленности приобретает внешнюю, сближаясь с официальной идеологией вплоть до полного, по-видимому, совпадения в стихотворении "Святая Русь" (1848). Но еще в таких стихотворениях 30-х годов, как "Памяти живописца Орловского" ²³, "Самовар" ²⁴, русофильство формирует поэтическую тему и фразеологию ("святая Русь", "Налих предков удалая/ Канемечилась езда", "дух заморский", "душегубка-новизна", "на Руси святой и православною", "по-православному, не на манер немецкий"). Ср. позднее послание "Волшебная обитель" (1848), где об адресате говорится: "(<..> Прихоти заемной новизны/ Не загнули в ней народных дум струны".

Усиление русофильства происходило вместе с политическим поправлением. Тема, начатая в "Фонвизине", в главе о заграничных письмах драматурга, получает любопытное продолжение

²³ Стихотворение нашло аудиторию в среде "Московского наблюдателя". Это видно из письма Шевырева Вяземскому от 29 марта 1838 г. (Письма М.П.Погодина, С.П.Шевырева и М.А.Максимовича к князю П.А.Вяземскому. СПб., 1901, с.137).

²⁴ 8 июня 1839 г. Тургенев сообщал Вяземскому: Муковский "находит, что это лучшая пьеса твоя и что ты как-то созрел душою и следовательно, поэзией" (Остафьевский архив, т.IV. СПб., 1899, с.72).

и эпистолярки самого Вяземского. В письме А.О.Смирновой от 2 марта 1837 года он называет корреспондентку "госпожой Фонвизинной" за ее критическое мнение о Франции. "Дело в том, что во Франции кухню держат на общественном месте <...> Гласность имеет свои неудобства и свою безразличную сторону. А у припрятывания разве нет их? Я бы вам мог о том порассказать" ²⁵. По его собственные отзывы о французской политической жизни, начиная с 1836 года, становятся все более резкими, при этом вырабатывается дисхеренцированный подход к западным конституционным формам - английской и французской. Такой подход, имевший традицию в русской общественной мысли, ранее - в 10-20-е годы - интересовал Вяземского меньше, чем общее противопоставление самодержавной и конституционной формы правления. 11 февраля 1836 г. он писал Тургеневу: "Чуждо и правду должно согласиться с теми, которые уверяют, что французы не довели до английских форм; что у них всегда за слово, за полуименные готовы принести на жертву настоящее и будущее? Досадно и больно было бы согласиться; крепкось донельзя (ср. письмо к А.О.Смирновой), а иногда приходит жутко стоять за них: того и смотри, что они же в дураки посадят. <...> белудок английского богатыря переварит и О'Коннеля <...> а французский подавится и лопнет от Одилон-Баро" ²⁶. Французская политическая жизнь - "самодержавие слов" ²⁷ (ср. "Слова, слова, слова" - Пушкин, "Из Циндемонти"). Поездка во Францию в 1838-1839 годах укрепила Вяземского во мнении о неспособности французов к представительному правлению ²⁸. Эти впечатления он продолжает проецировать на русофильство Фонвизина и споры с А.О.Смирновой. Имея

25 "Русский архив", 1888, кн.2, с.301-302.

26 Остафьевский архив, т. III, с.296-297.

27 Там же, с.306.

28 Записные книжки, с.262.

в виду свое разочарование, прежде всего в использовании свободы печати, которое, по его мнению, разжигает во Франции политические страсти, он писал родным 25 февраля 1839 года: "Но вы, ради Бога, не говорите Смирныхе, что я так сонливиствую. Она сейчас запоет "Тебе Бога хвалим!", и наша вяля. Дело в том, что я все-таки не согласен во многом с нею и что я более прежнего *Du juste milieu*. Он один прав, а все прочее дрянь или безумие"²⁹. Несогласие, о котором здесь говорится, отделяло Вяземского от консервативного национализма, поддерживая динамичность его точки зрения. Хотя его позиция уже далека от оппозиционности, он стремится отмежеваться от верноподданного антиевропеизма Греча - автора "Путевых писем из Англии, Германии и Франции": " <...> неужели письма мои так же вялы, глупы и пошлы, как письма Греча? Читая его, вижу, что во многом мы почти одинакового мнения, но в том, что он говорит, есть что-то канальское, лакейское, и это меня пугает и смущает. Ради Бога, скажите мне чистосердечную правду. От страха и во избежание сходства, я готов броситься в коалицию и быть на коленях перед французами и Францией"³⁰. И еще позднее Вяземский ставит полемику с Западом в зависимость от своих европейских принципов: в 1844 г. после введения дополнительных правил на выдачу заграничных паспортов он отказался от опубликования статьи против книги А.Кюстина "Россия в 1839 году". Жуковскому он писал об этом: "Обстоятельства таковы, что чест-

²⁹ "Литературное наследство", т.31-32, с.132. В последней фразе имеется в виду Ф.Гизо, сторонник "золотой середины" в политической ситуации после Июльской революции. В отличие от Пушкина, предпочитавшего легитимное решение французских проблем после Июльской революции, Вяземский резко отрицательно относился к Бурбонам.

³⁰ Там же, с.147.

ному и благомыслящему русскому нельзя говорить в Европе о России и за Россию. Можно повиноваться, но уже нельзя оправдывать и вступаться. Для этого надобно родиться Гречем" ³¹. Его собственное выступление "за Россию" состоялось только во время Крымской войны ("Письма русского ветерана 1812 года о восточном вопросе").

Таким образом, на разных этапах идеологической биографии русофильский элемент играл активную роль в системе воззрений Вяземского. Представления, связанные с антитезой "Россия - Запад", выступали в нескольких прагматических "значениях": 1) западничество как приверженность просвещению и программе просвещенного государственного устройства; 2) "отрицательный патриотизм" как политическая оппозиция; 3) русофильство как оппозиция правительственной бюрократии (не антизападничество); 4) русофильство, противопоставленное духу времени, наступлению "демократии" (антизападничество); 5) русофильство, близкое или тождественное официальной народности ("Святая Русь", стихи и публицистика, времени Крымской войны) ³².

³¹ Гиллельсон М.И. Указ.соч., с.294-295.

³² Следует отметить еще один аспект русофильства Вяземского, в котором основная антитеза принимает несколько иной вид: представление о России как о молодом и уникальном историческом и географическом образовании, малодоступном анализу средствами европейской науки и предстоящем непосредственно высшей творящей воле. Ср. напр.: "Козловский говорит, что с тех пор, как он здесь, то все теории его распадаются в прах, и оно точно так быть должно. (...) Россия не государство, а мир; мир же управляется не безусловною системою, а Провидением (...)". (Остафьевский архив, т. III, с. 308). Это до некоторой степени схоже с тютчевским "Умом Россию не понять". Русофильство "европейцев" Вяземского и Тютчева в сравнении с собственно славянофильством могло бы быть предметом специального рассмотрения. В этой связи в дополнение к уже отмеченным в литературе примерам поэтического взаимодействия Тютчева и Вяземского следует учесть переключку трех последних строк стихотворения Вяземского "Степь" и второго из тютчевских стихотворений, печатающихся под заглавием "На возвратном пути". Близость их кажется полемикой Вяземского с Тютчевым, что, однако,

Другая группа высказываний Вяземского, которая должна быть сопоставлена с принятыми концепциями, — это суждения о Николае I. Известно, что их отношения характеризовались взаимной неприязнью. Но тем самым ставится вопрос о выраженных Вяземским в разное время положительных оценках личности и действий царя и других его суждениях, позволяющих предполагать такие оценки. Если эти высказывания не могут быть отведены указанием на заведомую неорганичность (сделаны для цензуры, исключительно в расчете на адресата, продиктованы сугубо конъюнктурными соображениями и т.д.), то они должны быть объяснены как реализующие систему воззрений, как идеологически значимые. При этом мы стремимся элиминировать психологическую сторону: если 2 февраля 1832 года Вяземский сообщает жене, что царь, беседуя с ним на балу, хвалил департамент внешней торговли (вице-директором которого был Вяземский), и добавляет: "Винюват, доволен, и тем более, что разговор сей проиоходил между танцами, посредине залы, так что все видеть могли и видели (...) " ³³, то нас интересует не это удовлетворение, противоречащее привычному психологическому облику Вяземского, а то, в какой мере оно может быть поставлено в связь с собственно идеологическими суждениями.

Первые личные впечатления Вяземского от нового царя были связаны со смертью Карамзина. 21 мая 1826 года А.Я. Булгаков писал К.Я. Булгакову: "Вельгорский сказывал, что Вяземский, читая рескрипт или указ (ибо я еще не видел его), плакал, как ребенок, рыдал. Тут сказано, говорят, все, что может только воскресить умирающего Карам-

исключается — стихотворение первого написано десятилетием раньше (1849). (По-видимому, не исключено знакомство Тютчева со "Степью" до ее опубликования в 1862 году в сборнике "В дороге и дома").

...ине." 34. 25 мая Вяземский сообщал жене, что на погребении Карамзина "царь был очень растроган и плакал. Да и Бог, чтобы эти слезы принесли хорошие плоды, и Николай Михайлович мог бы и из-за гроба быть добрым внушителем царя и полезным своему отечеству (...)" 35.

Летом 1826 г. после приговоров декабристам Вяземский, как известно, пришел к прямому оправданию их выступления; он не только отрицал законность приговоров - самые сильные инвективы в адрес правительства были высказаны им именно в это время. В этих записках в Записной книжке от 19-22 июля 1826 года 36 Николай I не упоминается. Естественно было бы предположить, что суждения Вяземского распространяются и на царя. 17 июля он сообщал В.Ф.Вяземской, что откладывает отъезд из Ревеля, чтобы не попасть на коронацию 37. И Жуковскому и А.Тургеневу Вяземский писал 29 сентября, что "норовил, чтобы возвратиться в Москву к шапочному разбору, а не прибору мономаховой шапки"; здесь же: "Вообразите, что 14-е и 13-е уже и не в помине. Нет народа легкомысленнее и бесчеловечнее нашего" 38. Но

34 "Русский архив", 1901, кн.2, с.386. Имеется в виду рескрипт Николая I на имя Карамзина от 13 мая 1826 года. См.: П о г о д и н М.П. Николай Михайлович Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников, ч.II. М., 1866, с.494-495.

35 Остафьевский архив, т.V, вып.2, СПб., 1913 с.5. Ср. свидетельство о "прекрасных чувствах императора Николая I", оставленное А.Тургеневым, который наблюдал царя у гроба Карамзина. - П о г о д и н М.П., указ. соч., с.502.

36 Анализ этих записей см.: К у т а н о в Н. (Д у р ы л и н С.И.). Декабрист без декабря. - В кн.: Декабристы в их время, т.II. М., изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1932, с.245-284. Д о т м а н Ю.М. П.А.Вяземский и движение декабристов. - Ученые записки Тартуского государственного университета, 1960, вып.98, с.130-134.

37 Остафьевский архив, т.V, вып.2, с.52.

38 Архив братьев Тургеневых, вып.6, т.I, с.41,43.

это же последнее письмо - в том, что касается царя, - дает картину значительно более сложную. Вяземский критикует новый цензурный устав: "В уставе сказано, что история не должна заключать в себе умствований историка, а быть голым рассказом событий. Рассказывают, что государь, читая устав в рукописи, сделал под этой статьей вопрос: "в силу этого должно ли было бы пропустить Историю Карамзина? Отвечайте просто: да или нет". Они отвечали: нет! Государь приписал тут: вздор; но между тем вздор этот остался, и быть по сему" ³⁹. После этого следует призыв к Муковскому: "По смерти Карамзина ты призван быть представителем и представителем Русской Грамоты у трона безграмотного. Не шучу. Равнодушие твое в таких случаях было бы малодушием". Вяземский обобщает: "Говорят, что государь умен и славолюбив: вот две пружины, на которые благонамеренные и честные люди могут действовать с успехом. А чего от него требовать, когда благонамеренные и честные люди оставляют его на съедение глушцам и бездельникам <...>" ⁴⁰. Оценка личных качеств Николая основывается здесь на чужом мнении (достаточно распространенном в начале царствования), но характерно само стремление отделить царя от его окружения и утверждение возможности просвещенного влияния на монарха. Именно это и определяло в дальнейшем отношение Вяземского к властям.

По-видимому, как-то преломились у Вяземского возникшие в первые годы царствования аналогии с петровской эпохой. 13 июля 1826 года он записывает: "Теперь во многом нужен новый Петр, то-есть новый зиждитель. После Екатерины след был еще горячий: теперь остыл" ⁴¹. Через четыре года он отмечает в дневнике: "На одном маневре морском на днях корабль, на котором находился император, был вслед за кораблем "Петр Великий". Замечено флотом" ⁴².

39 Архив братьев Тургеневых, с.40.

40 Там же, с.41.

41 Записные книжки, с.125.

42 Там же, с.190.

В этих высказываниях нет собственного отношения к аллюзии Николай - Петр (она появится только в "приниске 1853 года" к стихотворению "Полтава" (1849), более актуальной для Пушкина; однако при всем критицизме Вяземского он так пишет А.Тургеневу 12 ноября 1827 года о своем предложении Жуковскому заняться изданием собрания переводов: "Но я уверен, что он из предложения моего ничего не сделает. А правительство наше ныне подалось бы на такое предложение. Тут есть что-то петровское" ⁴³.

Основным в отношении Вяземского к Николаю I в это время остается разграничение монарха и придворных. Там, где приближенные царя оцениваются как личности, он сам фигурирует как воплощение государственного начала, типа правления. Коллизия заключается не столько в необходимости реформ (хотя Вяземский и после 1825 г. прекрасно понимал эту необходимость), сколько в невозможности обеспечить должное функционирование наличного государственного аппарата и неумении или нежелании просвещенных подданных использовать имеющиеся возможности. 14 декабря 1830 года Вяземский писал И.И.Дмитриеву о приостановке издания "Литературной газеты": "И какая польза от того, что цензурный устав писан не Шихматовым, а Дашковым, что товарищ министра народного просвещения - Блудов, а не какой-нибудь Фотий, когда ни тот, ни другой не могут отстаивать существующего закона или писателей, лишаемых законных прав своих! Нет сомнения, что государь уважил бы истину, если б кто раскрыл ее пред ним" ⁴⁴. Можно объяснить эти

43 Осташевский архив, т. III, с. 167. Ср. в письме Жуковскому от 2 декабря 1827 г. ("Русский архив", 1900, кн. 1, с. 195). О подобных замыслах Вяземского начала 20-х годов, о плане М.Ф. Орлова создать "Общество переводчиков" см.: Лотман Ю.М. Указ. соч., с. 116, 120. Ср.: Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина, кн. 1. СПб., 1838, с. 314.

44 "Русский архив", 1863, стб. 615. Ср. в письме к В.Ф. Вяземской от 11 февраля 1832 г. по поводу готовящегося запрещения "Европейца": "никто не смеет сказать слова правды" ("Звенья", кн. 9, 1951, с. 234).

слова ориентацией на адресата, но и в письме В.Ф.Вяземской от 26 марта того же года говорится: "Ближайшие к государю Бенкендорф, Толстой, Потоцкий, какой-нибудь князь Сергей Михайлович Голицын. Какие это проводники для истины, для государственной пользы, для мнений. Дашков пользуется уважением, но уваженнее бездейственным. Он почти никогда не видит государя"⁴⁵. И отказ в разрешении поступить на службу в апреле 1828 года Вяземский объяснял проясками "блестящих крошечников", но не обвинял царя⁴⁶. В письме к жене он так рассказывал об этой неудаче: "Я снова хотел писать прямо к государю и писать прямо; меня своротили на Бенкендорфа, он человек добрый, я в этом уверен: но что может быть у нас с ним общего и зачем мне ехать на Бенкендорфа, когда дорога моя на Россию и на царя?" (письмо Вяземского к Пушкина В.Ф.Вяземской от 21-24, 26 апреля 1828 года; XIV, 13).

Таким образом, у Вяземского "общее" с Россией и царем, но не с Бенкендорфом и Нессельроде. Однако он склонен был делать решительные выводы после неудачи своей первой попытки возобновить государственную службу: "Теперь дело мое сделано: я возвращаюсь в ряды бездейственной, но грозной оппозиции. У нас ничего общего с правительством быть не может" (XIV, 14). Но, как известно, уже осенью того же года он предпринимает новую попытку, на этот раз предваряя ее специальным документом, адресованным царю. Несомненно, Вяземский рассматривал свою записку как обращенную "на Россию и на царя". Предупреждая критику Жуковского, Вяземский писал ему об "Исповеди" в декабре 1828 г.: "Она мне по сердцу, и по совести она выражение всей моей жизни; если она не годится, то не годится и моя жизнь"⁴⁷. "Пускай узнают меня, — писал он

45 "Звенья", кн.6, 1936, с.224.

46 Архив братьев Тургеневых, вып.6, т.1, с.70.

47 "Русский архив", 1900, кн.1, с.207.

А.Тургеневу, - таковым, каков я, со всеми своими родимыми пятнами, прививными болячками, а не таковым, как распивает меня кисть Булгарина и других доносчиков" ⁴⁸. Следует учитывать также, что "Моя исповедь" написана уже после инспирированного III отделением и санкционированного Николаем I письма Вяземскому с предположением по поводу ряда публикаций и общего направления "Московского телеграфа" ⁴⁹ и должна была звучать как ответ на выговор властей патрону журнала. Это относится не только к тому месту "Моей исповеди", где Вяземский кратко упоминает об обвинениях в адрес "Московского телеграфа", но и к другим. Так, если с точки зрения властей не всегда недостаточно не иметь дурных намерений - неблагоразумие тоже преступление, то Вяземский, говоря о своих ходивших по рукам эпиграммах и сатирических куплетах, настаивал на разнице между проступком и преступлением. Многие в позиции автора "Моей исповеди" обусловлено именно рангом адресата. Показательно, что, когда осенью 1828 г. (до "Моей исповеди") Вяземский защищался от доноса и не мог обратиться к царю из-за смерти императрицы Марии Федоровны, он не стал обращаться к Бенкендорфу или П.А.Толстому: писать им, объяснял он Жуковскому, "рука не подымется" ⁵⁰. У Жуковского же он спрашивал, заканчивая работу над "Исповедью": "Не можешь ли как-нибудь втереться в чтецы или втереть Дашкова или Блудова? (...). Я писал европейцам, а не русским и по совести и по рассудку" ⁵¹. Так император последовательно отделяется от окружения, а эффективность полезных

⁴⁸ Архив братьев Тургеневых, вып.6, т.1, с.73-74.

⁴⁹ Этот важный документ опубликован М.И.Гиллельсоном: Пушкин. Исследования и материалы, т.111. М.-Л., Изд-во АН СССР, 1960, с.418-429. Уточнение авторства см.: Гиллельсон М.И. П.А.Вяземский. Жизнь и творчество, с.159, см.также с.159-165.

⁵⁰ "Русский архив", 1900, кн.1, с.202.

⁵¹ Там же, с.205.

политических мероприятий - в данном случае личного шага - ставится в зависимость от "европейского" влияния на него. В последнем замечании Вяземского, как и в приведенном выше противопоставлении России и царя - Бенкендорфу, видна связь с высказываниями на национальную тему - оно подтверждает близкую соотнесенность и известную условность тех формул, которые выражают европейское и русофильское начала его мировоззрения: в одном контексте окружение царя третируется как чуждое России, в другом - как неевропейское, типично русское, т.е. непросвещенное.

При этом отношении Вяземского к внутренней политике Николая I, уже в силу недоверия к ближайшим советникам царя (но не только поэтому), было далеким от оптимизма. Достаточно сравнить известное письмо Пушкина Вяземскому от 16 марта 1830 года, полное надежд на общественное оживление, и письмо Вяземского к жене от 12 апреля, где он говорит о тех же намечавшихся в комитете 6 декабря 1826 г. реформах со слов Бенкендорфа, представившего их как "исполнение желаний, которые мы сами имели лет за десять и ныне приводятся в действие самим правительством". В противоположность Пушкину Вяземский настроен скептически, иронизирует по поводу прений в Государственном совете и заключает: "По всему, что до меня доходит, все это будет не что иное как полумеры, полуистяны. При сохранении дурных начал невозможно вывести хорошие следствия"⁵². Но опять-таки: позднее, затрагивая сходную политическую тему - заседание Государственного совета, обсуждавшего подготовленный под руководством Сперанского Свод законов Российской империи, Вяземский отнюдь не скептически, хотя и очень кратко, сообщает Жуковскому (29 января 1833 года) и Дмитриеву (2 февраля) о речи царя⁵³. В обоих письмах о прениях в Совете говорится в почти одинаковых вы-

⁵² "Звенья", кн.6, с.234-235.

⁵³ "Русский архив", 1900, кн.1, с.369; "Русский архив", 1868, стр.627.

ражениях. Во фразе " (...) Сперанский был пожалован на месте сражения: государь в Совете отколол с себя андреевскую звезду и надел на него" крония направлена, несомненно против Сперанского ⁵⁴.

Восторженную оценку Вяземского, как и Пушкина, вызвал приезд Николая I в Москву во время эпидемии холеры: "Тут есть не только безбоязненность, которая также признак великодушия, но есть и вдохновенне, и преданность, и какое-то христианское и царское рыцарство, которое очень к лицу Самодержцу" ⁵⁵. Те же выражения введены в Записную книжку. Вяземский отмечает: "Странное дело, мы встретились мыслями с Филаретом в речи его государю" - и продолжает: "На днях в письме Муханову я говорил, что из этой мысли можно было бы написать прекрасную статью журнальную" ⁵⁶. (Ср. в письме Пушкина Вяземскому от 16 марта 1830 года о намерении "пуститься в политическую прозу" - XIV, 69).

По-видимому, поведение Николая перед смертью Пушкина также отвечало представлениям о том, что к лицу самодержцу. Д.Давыдову Вяземский писал 9 февраля 1837 года: "О, эта ночь - великая, прекрасная ночь в жизни и царствовании Николая I" - и называл царя ангелом-утешителем при одрах Карамзина и Пушкина ⁵⁷ (имеется в виду ночь с 27 на 28 января, когда Николай через Арендта обратился к Пушкину). То, что письма Вяземского (как и Жуковского) о дуэли и смерти Пушкина содержат элемент стилизации, не

54 Об отношении Вяземского к Сперанскому свидетельствует эпиграмма "На степени вельмож Сперанский был мне чужд..." и автокомментарий к ней в письме А.Тургеневу от 22 ноября 1819 года (Остафьевский архив, т. I, СПб., 1899, с. 358), а также статья по поводу книги М.А.Корфа, выразившая итоговое мнение Вяземского (1361).

55 "Русский архив", 1900, кн. I, с. 359.

56 Записные книжки, с. 196.

57 "Русский архив", 1879, кн. 2, с. 253. Адресат письма, находившегося в бумагах А.Булгакова, установлен М.К. Светловой ("Московский пушкинист", вып. 2. М., "Федерация", 1930, с. 155-162).

подлежит сомнению. Письма преследовали определенную политическую цель (особенно обращенное к великому князю Михаилу Павловичу), выполняя и функцию некрологов, которые невозможно было провести в печать. Говоря о политических взглядах Пушкина, Вяземский преуменьшал глубину и значение его либерализма и антиправительственных настроений 10- начала 20-х годов, упрощал его поздние воззрения и игнорировал сложность отношений поэта с правительством и царем в последние годы жизни. Отсюда еще не следует, что эти письма Вяземского не могут служить источником реконструкции позднего мировоззрения Пушкина. П.Е.Щеголев анализируя письмо к великому князю Михаилу Павловичу, категорически считал, что оно не может быть положено в основу такой реконструкции, но не уточнил, в какой мере возможно использование этого и других писем Вяземского⁵⁸. Между тем позиция Пушкина по польскому вопросу освещена Вяземским верно⁵⁹, как и отношение его к Польской революции; утверждение о том, что Пушкин был противником свободы печати, вполне соответствует рассуждению "О цензуре" в "Путешествии из Москвы в Петербург", где Пушкин полемизировал с Радищевым (и, как указал Б.В.Томашевский, с Б.Константином⁶⁰). Тем более письма Вяземского должны учитываться при характеристике его собственных взглядов. Существенно не только то, что перед нами стилизация, но и то, с какой позиции она сделана. Отметим, что Вяземский не ограничился сведениями о дуэльной истории и последних минутах Пушкина, - он включил в свои

⁵⁸ Щеголев П. Пушкин. Очерки, СПб., 1912, с.339.

⁵⁹ На это указывал еще М.Д.Беляев. - См.: Письма Пушкина к Елизавете Михайловне Хитрово. Л., Изд-во АН СССР, 1927, с.298.

⁶⁰ Томашевский Б. Пушкин. Кн. вторая. Материалы к монографии (1824-1837). М.-Л., Изд-во АН СССР, 1961, с.335.

письма, в том числе к великому князю, и резкие слова по адресу петербургских салонов⁶¹, и критику распоряжений властей с их подозрительностью к Пушкину (Вяземский, конечно, имел в виду и вообще отношение правительства к людям либеральной репутации, в том числе к себе самому). Тем показательнее оценки, которые он дает царю, освобождая его от ответственности за мероприятия полиции и III отделения. В письме А.О.Смирновой (переданном с д'Аришакком) от февраля 1837 года действия полиции квалифицируются как нелепые, тогда как "государь был тут велик и прекрасен, в особенности когда он действовал по собственному побуждению и выражал свою волю сам, а не через посредников, которые искажали и обесмысливали его намерения". В следующем письме тому же адресату запрещение стихов на смерть Пушкина даже противопоставляется намерениям царя, который назван здесь "добрым русским"⁶².

С.Н.Дурылин считал, что отношение Вяземского к Николаю I вплоть до Крымской войны было неизменно отрицательным⁶³. Приведенные высказывания показывают, что дело обстояло значительно сложнее. Привлекая в качестве ближай-

⁶¹ Ср. также письмо к кн.О.В.Долгоруковой от 7 апреля 1837 года. - "Красный архив", т.33. М.-Л., Гослитиздат, 1929, с.231-232.

⁶² "Русский архив", 1888, кн.2, с.298. Примыкающим к письмам о смерти Пушкина можно считать упоминание о нем в статье Вяземского о пожаре Зимнего дворца 17 декабря 1837 года. Статья, помещенная сначала в "Gazette de France", а затем в переводе в "Московских ведомостях", носила полуофициальный характер и написана в соответствующем стиле. Панегрические формулы при упоминании царя были заданными, появление в этом контексте имени Пушкина - неожиданным. Вяземский писал: "Кто из нас на повалел вновь о том, что умоляла уже лира Пушкина? Певец всего славного в России питал особенную любовь к этому прекрасному зданию и, конечно, пролил бы поэтические слезы свои на дымящиеся развалины, если бы буря не унесла его прежде и не разбила его лиры" ("Московские ведомости", 1838, 20 апреля, № 32, с.258).

⁶³ Кутанов Н. (Дурылин С.Н.), указ. соч., с.233, 242-243.

шего сравнения отношение Вяземского к Александру I, приходится констатировать: трудно доказать, верил или не верил Вяземский в реформаторские намерения Александра в такой-то хронологической точке отрезка, скажем, 1818-1822 годов ⁶⁴. Но после множества политических текстов, содержащих как чрезвычайно резкие оценки правительства, чрезвычайно смелые оппозиционные заявления, так и опасения по поводу политических методов, которые могут привести к широким социальным волнениям, Вяземский в 1826 году пишет Жуковскому: "Одна надежда привязывала меня к ней (России. - Е.Т.), что покойный государь рано или поздно, возвратится к мыслям, которые он некогда хранил и которые одни в исполнении своем могли упрочить славу его царствования" ⁶⁵. Декабрьская катастрофа была для Вяземского и проверкой всей либеральной идеологии. В том же письме Жуковскому (вряд ли прибегая к какой-то тактике, в тот момент ему просто ненужной) он доказывает независимость своей либеральной истины от извращения ее в революционном заговоре. В этом смысле аргументация Вяземского представляет здесь его взгляды в наиболее чистом и абстрактном виде - не затрагивая конкретных политических требований. Появление в этом контексте цитированного высказывания о царе указывает место идеи просвещенной монархии в числе основных и устойчивых элементов данной системы воззрений. Хотя в

⁶⁴ См.: Л о т м а н Ю.М. Указ.соч.; Л а н д а С.С. О некоторых особенностях формирования революционной идеологии в России. 1816-1921 гг. (Из политической деятельности П.А.Вяземского, П.И. и С.И.Тургеневых, М.Ф.Орлова). - В кн.: Пушкин и его время. Исследования и материалы, вып.1. Л., Изд-во Гос.Эрмитажа, 1962, с.67-231.

⁶⁵ Ср. запись в дневнике А.Тургенева после смерти Александра I: "Россия! И надежды твоей не стало! Забываю его политику - помню и люблю человека. Сердце не переставало верить в него, любить его, не переставало надеяться. <...> Он у себя отнял славу быть твоим благодетелем, народ в рабстве! Но не отнимал у нас надежды быть твоим восстановителем". - Цит. по ст.: П у г а ч е в В.В. А.Тургенев в 1825-1826 годах. - Ученые записки Горьковского ун-та, 1963, вып.58, с.474.

конкретной политической ситуации она могла и не выражаться в соответствующих текстах или сопровождаться сомнениями в реальности осуществления, сама идея просвещенной монархии (в широком смысле) не была замещена какой-либо другой. В этой системе каждый самодержец - претендент на роль не деспота, но монарха. И Александр I, и Николай I были такими претендентами в понимании Вяземского, а отношение "монарх - просвещенный вельможа" мыслилось им как необходимая ячейка государственного устройства при любых политических, в том числе конституционных комбинациях.

После 14 декабря отпала надежда в обозримом будущем приставить к правительству "дядьку представительства народного" ⁶⁶ или уничтожить крепостное право ⁶⁷. В понимании Вяземского в это время царь - субъект потенциальных прогрессивных изменений и объект просвещенного влияния со стороны либеральной дворянской интеллигенции. Общественно-политические устремления последней значительно разъяснены в последнее время благодаря ряду публикаций М.И. Гиллельсона, показавших связь между пушкинским предложением правительству об издании политического и литературного журнала, затем газеты "дневник" и аналогичными планами Вяземского и Мукувского, также адресованными правительству в специальных документах ⁶⁸. Все эти замыслы имели целью альянс правительства и дворянской литературной элиты. Проектируемый журнал, по словам Вяземского, "должен

66 Остафьевский архив, т. I, с. 204.

67 Отношение Вяземского к крепостному праву оставалось резко отрицательным. См. Записные книжки, с. 110-111. Ср. о свободных крестьянах Эстляндии в письме В.Ф. Вяземской от 31 июля - 1 августа 1825 г. (Остафьевский архив, т. V, вып. 1, с. 74). Однако в 40-х годах Вяземский приблизился к точке зрения, выраженной ранее Пушкиным в "Путешествии из Москвы в Петербург". См. особ. одно из писем 1845 года; Остафьевский архив, т. IV, с. 339-340.

68 Гиллельсон М.И. Указ. соч., с. 225-227; его же: Письма Мукувского о запрещении "Европойца". - "Русская литература", 1965, № 4, с. 114-124.

был бы стать посредником между Европой и Россией, между правительством и народом <...> " 69. По сути дела это та же проблема диалога между монархической властью и обществом, к которой Вяземский неоднократно возвращался, говоря об отсутствии вблизи царя "проводников истины". В повестке дня не преобразование общественной структуры, а нахождение канала циркуляции истины в уже существующей структуре. Направление движения истины — от группы дворянских либералов к царю и ко всему обществу. Эта группа синтезирует культуру — европейское просвещение, с одной стороны, и народность, национальность (то, что Вяземский и Пушкин называли *populaire et national*), с другой, и выражает эти начала в текстах молодой литературы, уже создавшей ценности европейского значения. Соединение исторически полученной социальной структуры и культурного потенциала просвещенного дворянства должно было привести к какой-то комбинации, которая обеспечила бы приемлемые для власти и достаточно медленные общественные изменения и в то же время некоторый, хотя бы и ограниченный простор для деятельности литературной элиты. Само ограничение (в том числе цензура) в идеале должно было носить не самовластный, а законный характер. Оппозиционное положение в 30-х годах не устраивало группировку и не входило в ее расчеты. Наоборот, Пушкин и Вяземский стремились выйти из этого положения, побудив правительство на компромисс, каким и было бы предоставление им права издания оппозиционного печатного органа. Они хотели не оппозиции, а доли участия в просвещенной политике.

Важным пунктом этой позиции было представление, согласно которому в России правительство ведет за собой народ "на поприще образованности и просвещения" ("Путешествие из Москвы в Петербург"). Пушкин высказывал это убеждение вслед за Карамзиным (примерно тогда же анало-

69 Г и л л е л ь с о н М.И. Указ.соч., с.226.

гичные идеи развивал и представитель другой общественной группировки - Белинский, особое обоснование они получили у него в период т. наз. примирения с действительностью). В дальнейшем это представление все более выветривалось из сознания русской интеллигенции.

Для 30-х годов применительно к мировоззрению Вяземского или Пушкина следует разграничивать конкретные оценки общественно-политической реальности, дававшей слишком много доказательств недоверия и враждебности власти: к литераторам, и обобщающие концептуальные суждения. Любопытно, что последние, отражая более то, что "должно быть", чем то, что "есть на самом деле", оказывались и наиболее приемлемыми тактически, поскольку допускали официальную интерпретацию. Так, Вяземский, неизменно озабоченный положением "русской грамоты у трона безразличного", в 1836 году, отвечая критикам "Ревизора", подчеркнуто ссылается на высочайшее одобрение, которое встретила пьеса Гоголя, и приводит аналогии: "Недоросль" Фонвизина получил поддержку Екатерины II (пример, неоднократно использованный и Пушкиным), а "Ябьда" Халписта - Павла. Многозначительный пассаж в статье Вяземского, опубликованной во втором томе "Современника", звучал как благонамеренный отклик на конкретный факт литературной жизни, но для автора важнее всего была некая абстракция - концепция просвещенной монархии, преодолевающей общественную косность (и монарха, благославляющего сатирика ради общественной пользы). Это была тактика не конъюнктурная, а принципиальная, имевшая глубинные идеологические - и личные - основания. Поэтому не только в журнале, но ранее и в частном письме Вяземский упоминает с благоприятным мнением Николая I: он перечисляет Тургеневу поклонников "Ревизора" - кроме него это Жуковский, Козловский и царь ⁷⁰. Этот эпизод не менял, разумеется, общей ситуации, драматизм которой и заключался

⁷⁰ Остафьевский архив, т. III, с. 317.

в том, что именно дворянские либералы должны были привнести просвещение в политику правительства, тогда как оно не желало и не допустило либерального посредничества, опасаясь независимых и чуждых идей.

Примерно таков самый общий контекст высказываний Вяземского о Николае I. В силу того критического отношения к администрации и окружению царя, которое многократно выражал Вяземский, желаемый альянс с властью мыслился как союз именно с монархом. Приведенные суждения были обусловлены и самим присутствием монархической идеи в идеологии русского дворянского либерализма, и ее актуализацией после 1825 года, и тактикой литераторов пушкинского круга. Оценить органичность этих высказываний для Вяземского поможет, в частности, тот факт, что в 1857 г., уже занимая пост товарища министра народного просвещения, в записке о цензуре он варьировал указанный пассаж своей статьи о "Ревизоре", дополнив его двумя аналогичными примерами (журнал "Ливонисец" при Екатерине II и представление "Горя от ума" при Николае): либеральный и консервативный контексты, разделенные двадцатью годами, обнаруживают общий элемент, репрезентирующий некоторый устойчиво организованный сегмент системы воззрений. Многие тексты Вяземского 10-30-х годов, с одной стороны, и позднейшие, с другой, могут быть легко противопоставлены по содержанию, вплоть до соответствий типа: "Русский бог" (1823) - четверостишие "О русский бог! Как встарь, ты нам заступник буди!" (1854). Но такие тексты, как статья "18 августа 1855 года", стихотворения на смерть Николая I или даже "Несколько слов о народном просвещении в настоящее время", должны быть не противопоставлены, а сопоставлены с приведенными высказываниями о царе и рассматриваться с ними в одном ряду - как результат эволюции монархизма Вяземского. Соотношение здесь такое же, как между стихотворениями типа "Масленица на чужой стороне" (1853), "Очерки Москвы" (1853) и более ранними русофильскими высказываниями.

Эпизодом, в котором дворянская интеллигенция выступила в качестве литературной группировки, объединенной около собственного печатного органа была полемика во-
круг "Литературной газеты" Дельвига-Пушкина. Издателя и его сотрудников противники называли литературными аристократами. Два противоречащих обстоятельства затрудняют объяснение этого эпизода (причем историки литературы на-
ше всего находятся под влиянием первого): упорные попыт-
ки Пушкина и других отвергнуть и опровергнуть именование
"литературная аристократия" как ложное и враждебное тек-
сты, особенно пушкинские, свидетельствующие о том, что
термин имел реальное содержание. Не претендуя здесь на
освещение проблемы в целом, покажем эту двойственность
на высказываниях Вяземского.

Единственный среди сотрудников "Литературной газеты"
аристократ и по происхождению, и по действительному со-
циальному статусу, Вяземский тем не менее мог бы полно-
стью отвести обвинения в аристократизме. До 1820 года
он стремился как раз отделиться от аристократии как
консервативной силы, не отвечающей требованиям просве-
щенной оппозиции ⁷¹. Это отличает Вяземского от ряда
оппозиционных мыслителей и от Пушкина. В 1828 году он
замечает в "Московском телеграфе" - вполне в духе не-
сколько позднейшего направления Н.Полевого, - что в
"Истории Наполеона" В.Скотта "слишком выдается баро-
нет" ⁷². Ср. шутовское и в данном случае потому харак-
терное: "а я, ты знаешь, и в красавицах враг аристо-
кратии" (письмо В.Ф.Вяземской от 31 июля-1 августа
1825 г.) ⁷³ или: "Я с летами делаюсь аристократом" (к
А.Я.Булгакову 26 января 1837 года) ⁷⁴.

71 Ср.: Л о т м а н Ю.М. Указ.соч., с.70.

72 В я з е м с к и й П.А. Полное собрание сочине-
ний, т.II. СПб., 1879, с.77.

73 Остафьевский архив, т.V, вып.2, с.72.

74 "Русский архив", 1879, кн.2, с.243.

Положение изменилось, когда началась кампания нескольких журналов против "Литературной газеты" (печатались, в частности, пародии на Вяземского). Публицистика Пушкина, разработывавшего особую сословную концепцию, осталась по большей части неопубликованной при его жизни, в одном из центральных выступлений "Литературной газеты" против Булгарина, Полевого и других стала статья Вяземского, всегда больше интересовавшегося политическими проблемами, чем социальными, - "Объяснение некоторых современных вопросов литературных. О духе партий, о литературной аристократии". Вторая, наиболее острая часть статьи не была пропущена цензурой и появилась в печати только в составе Полного собрания сочинений. Но уже в опубликованной в 23-м номере "Литературной газеты" за 1830 год части статьи содержатся суждения, очень интересные игрой на переносном и прямом - социально-сословном смысле слова "аристократия". Начиная с отвода обвинений в аристократизме (обычно так делал и Пушкин) и утверждая, что в литературе существуют только партии талантливых и бездарных, что есть только аристократия дарованная, Вяземский тут же сопоставляет это "антропологическое" деление с социальным - ход, весьма распространенный в истории общественной мысли: "Природа действует также в смысле некоторого монархического порядка: совершенного равенства не существует нигде"⁷⁵. То, что такой параллелизм воспринимался достаточно болезненно при всем пиетете к главе литературной аристократии, видно хотя бы из известного свидетельства А.В. Никитенко, который передал слова Пушкина о Кукольниках:

" - А что, ведь у Кукольника есть хорошие стихи? Говорят, что у него есть и мысли.

Это было сказано тоном двойного аристократа: аристо-

⁷⁵ Вяземский П.А. Полное собрание сочинений, т.11, с.158.

кратая природы и положения в свете. Пушкин иногда впадает в этот тон и тогда становится крайне неприятным" ⁷⁶.

Столь же острым был выпад Вяземского против "умения печатать и продавать": "А это умение род майората, без коего аристократия не может быть могущественна", ⁷⁷ - здесь такая же ироническая мена сословного обозначения, как пушкинское "Я, братцы, мелкий мещанин" (III, 261).

Но Вяземский не ограничивается опровержением термина. Вторая часть статьи резко отходит от утверждения о борьбе талантов и бездарностей и сосредоточивается на собственно социальном аспекте темы. Вяземский переходит к анализу термина "аристократия" в его прямом значении (сходным образом строил свои рассуждения на эту тему Пушкин). При этом хорошо видно, как оборона от нападения слева активизировала консервативные тенденции либеральной идеологии: "Высший класс в государстве всегда должен быть уважен: того требует политический порядок; а образованный класс в народе, будь он высший, средний или низший, равно достоин уважения; у нас же высший класс есть и образованнейший" ⁷⁸. Этот силлогизм четко выражал позицию "Литературной газеты". Первый его тезис точно формулировал программу дворянских либералов, стремившихся, как уже говорилось, действовать в рамках стабильного социального порядка. Следует, однако, помнить, что эта умеренная программа не совпадала с правительственным курсом уже потому, что акцентировала просвещение, -

⁷⁶ Никитенко А.В. Дневник, т.1. М., Гослитиздат, 1955, с.178.

⁷⁷ Вяземский П.А. Полное собрание сочинений, т.II, с.159. Ср. в "Фонвизине": "Изыскания родословные не нужны в биографической литературе: дарование не майорат" (там же, т.VI, с.15).

⁷⁸ Вяземский П.А. Полное собрание сочинений, т.II, с.161.

расхождение выявилось еще в эпизоде с пушкинской запиской "О народном воспитании". Далее Вяземский вводит параллель с французской революцией, сравнивая русских недворянских журналистов с санкюлотами. Цензура предупредила появление этих опасных пассажиров, но позднее тема, затронутая Вяземским, проникла на страницы "Литературной газеты" в заметке "Новые выходы противу так называемой литературной нашей аристократии..." Дельвига или Дельвига и Пушкина ⁷⁹.

Таким образом, обсуждение термина привело к противопоставлению "аристократия - демократия" (у Вяземского:

79

Со статьей Вяземского сходно по аргументации его письмо М.А.Максимовичу от 23 января 1831 года. См.: Записки имп. Академии наук, т.36, кн.1, СПб., 1880, с.201-203. Вторично опубликовано (в выдержках): Г и п к и у с В.В. Пушкин в борьбе с Булгариным в 1830-1831 гг. - В кн.: Пушкин. Временник Пушкинской комиссии, 6. М.-Л., Изд-во АН СССР, 1941, с.245-246. В этом письме Вяземский относит термин "литературная аристократия" к "арго" Булгарина и Полевого.

В статье "О духе партий" ... Вяземский использовал текст не пропущенной ранее цензурой второй части статьи "О московских журналах" (первая была опубликована в № 8 "Литературной газеты"), где о критике "Московского телеграфа" говорилось: "это настоящий революционный трибунал: опалы, торжества, казни, апофеозы, действия и противодействия сменяются и применяются с непрерывным проткворечием, с примерною забывчивостью к одним и тем же лицам, к одним и тем же делам, (смотря по времени и посторонним принадлежностям) (В я з е м с к и й П.А. Полное собрание сочинений, т.II, с.125). Крайне упрощенно и неверно освещаются отношения круга "Литературной газеты" к французской революции XVIII века и Июльской революции в книге О.В.Орлик "Передняя Россия и революционная Франция" (М., "Наука", 1973, с.117-118). Наивно полагая, что "Литературная газета" приветствовала Июльскую революцию, о чем будто бы свидетельствует публикация стихотворения Делавиня ("конфетный билетец этого несносного Лавинья" по словам Пушкина - XIV, 133), автор находит возможным и заметку "Новые выходы..." толковать таким образом (хотя и весьма лаллидарно), что Дельвиг и Пушкин оказываются почти единомышленниками санкюлотов. (То же ранее: О р л и к О.В. Россия и французская революция 1830 года. М., "Мысль", 1968, с.54-55).

"демократические нападки на наши аристократические гости-
ные") только после осложняющего параллельного хода. Посто-
янная неопределенность термина "аристократия" у Вяземско-
го и Пушкина, по-видимому, связана не только с полемиче-
ской игрой, но и с тем, что групповые принципы либераль-
ных дворянских литераторов к 1830 году оставались невыра-
женными, аморфными. Поэтому, будучи спровоцированными, вы-
сказывания Вяземского имели значение, выходящее за преде-
лы полемики, — они формулировали принципы дворянской ли-
тературной элиты. Характерно, что шесть лет спустя в иной
ситуации, уже не побуждаемый конкретными обстоятельствами,
он продолжает в "Современнике" некоторые темы полемиче-
ских выступлений "Литературной газеты". Рецензируя книгу
Наполеона о войнах Юлия Цезаря, Вяземский восхищается
мыслями автора о законности и пользе власти Цезаря и при-
водит выгодную цитату, явно рассчитанную на домашнее упот-
ребление: "В народах и в революциях аристократия навсегда
существует: уничтожаете ли вы ее в дворянстве — она тот-
час переходит в богатые и сильные дома среднего состояния;
уничтожаете ли вы ее и тут — она всплывет и найдет себе
пристанище у старейшин мастерского класса и у народа. Пра-
витель ничего не выигрывает от этого перемещения аристо-
кратии (...)"⁸⁰. Ср. у Пушкина "Оно (дворянство, Е.Т.) встает
да казалось мне необходимым и естественным сословием ве-
ликого образованного народа" (XI, 161). Следует отметить,
что в понимании Пушкина и Вяземского просвещенная аристо-
кратия — народна. Именно это убеждение стоит, в частности,
за их защитой просторечия — Пушкиным в полемике 1830 го-
да, Вяземским в упоминавшейся статье о "Ревизоре". Очень

⁸⁰ Вяземский И. А. Полное собрание сочинений, т. II, с. 234. Тогда же появился и русский перевод книги: Из войн Цезаря. Сочинение Наполеона, диктованное им на острове Св. Елены г. Маршану. Перевел В. К. М., 1836 (с приведенной цитатой в переводе Вяземского ср. с. 229).

интересно в этом плане мнение Вяземского о пьесах Екатерины II, с которыми он демонстративно связал понятия романтизма и народности: "Из исторические представления в подражание Шекспиру <...> (хотя в них шекспировского и немного) были у нас первыми романтическими опытами <...> При скудости своей наш театр мог бы оживиться и сделаться народным подобными представлениями" ⁸¹.

На фоне общности позиций Вяземского и Пушкина в полемике о литературной аристократии (безусловное предпочтение личного достоинства сословному, проповедь уважения к каждому сословию общества, идея культурной миссии русского дворянства, параллель с французской революцией) бросается в глаза различие в их рассуждениях. У Пушкина, во-первых, примерно с 1825 г. складывалась специальная концепция, в свете которой он объяснял собственный социальный статус и был склонен осмыслять крупнейшее внутриполитическое событие своего времени - восстание декабристов ("Заметки о русском дворянстве", разговор с великим князем Михаилом Павловичем, переданный в дневнике 1834 года); во-вторых, последовательно историческое обоснование этой концепции; в-третьих, различие старого и нового дворянства. По отношению к этим признакам высказывания Вяземского выглядят беспризнаковыми. У него нет особой социально-сословной схемы, нет удлинения причинных связей на расстояние в несколько веков (и в этом смысле история ранее XVIII века его интересует мало), нет и тенденции дифференцированного подхода к дворянству, хотя бы отдаленно схожего с пушкинским. Вопрос о степени оригинальности пушкинской концепции русского дворянства и контексте ее в истории русской общественной мысли остается открытым. В этом плане представляет интерес одна отдаленная параллель к ней среди высказываний Вяземского.

⁸¹ Вяземский П.А. Полное собрание сочинений, т.У, с.128.

Узловой пункт построений Пушкина — вопрос об исторически сложившейся структуре власти в России, об отношениях монарха-самодержца с ближайшей к нему социальной силой и политически привилегированным сословием — дворянством. Борьба самодержцев с независимой знатью, важнейшая для Пушкина историческая коллизия, — одна из тем его заметок о втором томе "Истории русского народа" Полевого. Как известно, в этих заметках Пушкин ввел различение двух исторических систем — русской аристократии и западноевропейского феодализма. В новейшей статье "Формула Пушкина "Феодализма у нас не было, и тем хуже" И.М.Тойбин, сообщая ценные сведения о взглядах на русский феодализм Шевырева, Погодина, Сенковского и других и справедливо предлагая, что Пушкин не мог желать предпосылок буржуазной революции в России, выдвигает новое толкование этой формулы, которое существенно ограничивает ее значение — делает ее только оценкой исторического прошлого: хуже потому, что с аристократией, склонной к "чудовищному феодализму", связаны междоусобные распри, ослабившие Россию накануне татарского нашествия⁸². Остается непонятным прежде всего, почему, противопоставляя аристократию феодализму, Пушкин наделяет ее же склонностью к феодализму; неясно также, из каких его положений можно заключить, что он считал феодализм способным предотвратить междоусобицы. Однако еще важнее другое: игнорируется факт изменения — до противоположности — соответствующих суждений Пушкина начала 20-х годов (о "чудовищном феодализме" в "Заметках по русской истории XVIII века") и начала 30-х годов. Но сама формула "Феодализма у нас не было..." является в результате этого изменением: в 1822 г. Пушкин еще на "левых" позициях и свои заметки, которые большинство исследователей считают скорее публицистическим, чем

⁸² Об. "Искусство слова". М., "Наука", 1973, с.120-121.

историческим сочинением, направляет и против самодержавия и против аристократии — ко времени полемики с Полевым он считал политически и экономически сильное дворянство гарантом монархии, предупреждающим ее перерождение в деспотию, и средоточием между самодержавной властью и народом. Условие, при котором эта социальная функция дворянства может быть выполнена, сформулировано следующим образом: "Наследственность высшей знати есть гарантия ее независимости — противоположное неизбежно является следствием тирании или скорее трусливого и дряблого деспотизма" (XII, 205; подлинник по-французски). Отсюда очевидно, что аристократии отводилась отнюдь не отрицательная роль в историческом процессе. Судьбы русского дворянства Пушкин рассматривал под одним углом зрения: могло ли, может и сможет ли дворянство противостоять самодержавной власти. Причем эту противостоящую самодержавию силу Пушкин сначала связывает с феодализмом. В ранней редакции заметок читаем: "феодализм [должен был] мог наконец родиться как первый шаг учреждения независимости (общины второй)"⁸³, но он не успел" (XI, 377). И далее Пушкин перечисляет все те этапы победоносной борьбы царей с феодализмом, которые в следующей редакции заметок он повторяет, уже заменив термин "феодализм" термином "аристократия". После перечисления этих этапов и следует формула "феодализма у нас не было..." (см. XI, 126-127). Заменяя термин, Пушкин искал объяснения именно тому фундаментальному факту русской истории, что "учреждения независимости" в отличие от Западной Европы не развились. Специфически русскую, по его мнению, систему он и обозначил термином "аристократия". Следовательно, наиболее вероятный смысл пушкинской формулы, вытекающий, впрочем, из всех его текстов

⁸³ . Т.е. сопоставимой с независимыми *communes* западноевропейских городов, о которых Пушкин говорит выше в этой редакции заметок. О городских коммунах ср. в указ. ст. И.М.Тойбина.

о дворянстве, литературной и нелитературной аристократии таков: историческая возможность создания "учреждений независимости" связана с феодализмом, в России феодализм не развился, и эта возможность осталась нереализованной; аристократия не стала институтом, независимым от самодержавной власти. Формула Пушкина, вопреки мнению И.М.Тойбина, имеет не узкое, а широкое значение и является фокусом его социально-исторических построений. Пушкин и в современной политической жизни возлагал надежды на просвещенную аристократию, считая, что она еще может стать "учреждением независимости". Отсюда же объясняется его позиция в полемике об аристократии литературной.

Примерно тогда же, когда Пушкин записал в Болдине свои заметки, - 3 ноября 1830 года Вяземский вносит в Записную книжку: "Как мы пали духом со времен Екатерины, то есть со времени Павла. Какая-то жизнь мужественная дышит в этих людях царствования Екатерины, как благородны сношения их с императрицею; видно точно, что она почитала их членами государственного тела. И само царедворство, ласкательство их имело что-то рыцарское: много этому способствовало и то, что царь была женщина. После все приняло какое-то холопское уничижение. Вся разность в том, что вышние холопы барствуют перед дворнею и дают ее, но пред господином они те же безгласные холопы. <...> Слово Павла, сей итог деспотизма: "Знайте же, что при моем дворе велик лишь тот, с кем я говорю, и лишь тогда, когда я с ним говорю" - сделалось коренным правилом.

<...> Царствование Александра, при всей кротости и многих просвещенных видах, особливо же в первые годы, совершенно изгладило личность. Народ омерз и спал с глоса. <...> Теперь и из предания вывелось, что министру можно иметь свое мнение. Нет сомнения, что со времен Петра Великого мы успели в образовании, но между тем как иссохли душою. Власть Петра, можно сказать, была тираническая в сравнении с властью нашего времени, но права сопровержения и законного сопротивления ослабли до ничто-

жества. Добро еще во Франции согнул спины и измочалил души Ришелье, сей также в своем роде железолопый богатырь, но у нас, кто и как произвел сию перемену? Она не была следствии системы - и тем хуже" ⁸⁴.

Тема записи - всеобщий русский деспотизм. Вяземский ставит тот же вопрос, что и Пушкин: права законного сопротивления. Констатация негативного факта: "права сопровержения и законного сопротивления ослабли до ничтожества" является и формулой долженствования: необходим противовес власти, необходимо, чтобы сопротивление ей было признано законным, необходимо, чтобы право сопротивления осуществлялось. Легко заметить, что Вяземский здесь варьирует свое избранное понятие законной свободы - понятие александровской эпохи, к которому он прибег и в "Исповеди", документе реализующем принцип законно-свободного политического поведения. Хотя в записи Вяземского упомянут "народ", ясно, что "права сопровержения" мыслятся им как атрибут политической ответственности части общества - дворянства, государственной администрации и прежде всего - сановников, близких к царю (предоставление и реализация этих прав должны предотвратить противозаконное сопротивление - бунт). Это полностью согласуется с многочисленными инвективами в адрес приближенных Николая I. "Холопскому уничтожению" противопоставлено поведение царедворцев при Екатерине - идеализация здесь очевидна (Вяземский даже не замечает или игнорирует двусмысленности, неизбежно возникающие в его тексте по ассоциации с фаворитизмом Екатерины) ⁸⁵. Следует, однако, обратить внимание на определения "благородный", "рыцарский": они имеют не приблизительный, как может пока-

84 Записные книжки, с.202-203. Изречение Павла в подлиннике по-французски.

85 Об отношении Вяземского и Пушкина в 30-е годы к Екатерине II см.ст. В.Э.Вацура и М.И.Гиллельсона в кн.: Новонайденный автограф Пушкина, с. 87-105.

заться, а конкретный смысл. Благородство и рыцарство — это личностная сторона законного сопротивления, характеристика субъекта сопротивления; близкий источник этого представления — «О духе законов» Монтескье, откуда Вяземский выписывал «светозарное разделение»: «Душа республиканского правления: добродетель; монархического: честь; деспотического: страх»⁸⁶. Таким образом, благородство и рыцарство в записи Вяземского — признаки истинной монархии. Ср. у Пушкина: «Чему учится дворянство? Независимости, храбрости, благородству (честь вообще)» (XII, 205).

Основное различие между ними в том, что там, где у Пушкина логически и хронологически последовательная концепция «глубины» в несколько веков, доводящая объяснение до современности, Вяземский констатирует отсутствие системы. «Тем хуже» для Пушкина потому, что русская государственность не создала механизма противодействия деспотизму; для Вяземского потому, что падение прав сопротивления представляет собой нравственное падение, необъяснимое какой-либо единой политикой самодержцев. Даже тираническая власть Петра I, по Вяземскому, не была подавлением такой силы, как подавление феодалов Ришелье⁸⁷, хотя определение «железнодорожный богатырь» относится к обоим. Это понимание, в частности, подтверждает, что различие в оценках Вяземским монарха и его приближенных имело свою логику: если ответственность за падение прав законного сопротивления нельзя возложить даже на Петра I, если в

⁸⁶ Записные книжки, с. 37. Изложенный здесь же эпизод французской истории (ответ виконта д'Ора Карлу IX) также заимствован из труда Монтескье. См.: М о н т е с к ь е Ш. Избранные произведения. М., Госполитиздат, 1955, с. 179, 183-185 (и мн. др. места книги), а также 189.

⁸⁷ Ср. Пушкин о Ришелье: «Великий человек, униживший во Франции феодализм» («О ничтожестве литературы русской»; XI, 271).

русской истории не было систематического подавления этих прав властью, то вина за деспотизм падает на вельмож.

Таким образом, запись Вяземского — конспект иного подхода — в плане общественной морали — к той же проблеме, которая в обнаженно социологическом плане поставлена в заметках Пушкина.

Этот морализм и — на фоне Пушкина — аисторизм взаимосвязаны. Индифферентность как к идеям романтической историографии, так и к систематической этике, универсальной (философской, религиозной ⁸⁸) или индивидуальной, обуславливала диффузию моральных и государственно-политических категорий. Так, в "Отрывке из биографии Каннинга" (1827) читаем: "Есть совесть политики, с ее науки государственной нравственности, как есть совесть нравственности частной" ⁸⁹. Характерной амплификацией подверглась у Вяземского упомянутая дефиниция Монтескье. Если А.Тургенев в дневнике 1826 года писал: "лишь раздробил определение деспотизма, сделанное Монтескье, как Пристлей — луч солнца" ⁹⁰, то для Вяземского это определение и уподобление деспотизма дикарям, срубавшим дерево, чтоб сорвать плод ⁹¹, всегда оставались аксиомами большой объяснительной силы, которые он применял в разных контекстах и в разное время. Приведенная цитата из Монтескье в Записной книжке датируется В.С. Нечаевой 1819—1821 гг. ⁹². 9 июля 1830 года Вяземский пересказывает это место из "С духе законов", говоря о вос-

88 Что не исчерпывает отношения Вяземского к религии, приобретающего в отдельных случаях известную напряженность.

89 В я з е м с к и й П.А. Полное собрание сочинений, т. II, с.3.

90 Учен. зап. Горьковского ун-та, вып. 53, с. 475.

91 "Когда дикари Луизианы хотят достать плод с дерева, они срубавт дерево под корень и срывают плод. Таково деспотическое правление". (М о н т е с к ь е Ш. Указ. соч., с.211).

92 Записные книжки, с.356.

питании сына в письме к жене ⁹³, а 3 января 1832 г. перифразирует то же место в связи с польским вопросом ⁹⁴. 28/16 февраля 1839 года, критикуя французское общество, он сообщает родным о беседе с Гизо: "Нечего было ему сказывать, что по-моему похожи они на диких, о коих говорит Монтескье, подрубающих дерево, чтобы сорвать плод <...>" ⁹⁵ (причем "безнравственность", отсутствие поисков "нравственной политики" - основное впечатление Вяземского от Франции). В 1844 году то же сравнение применяется для характеристики образа действий русского правительства ⁹⁶.

Отсюда видно, что деспотизм по Монтескье стал для Вяземского некоторой общей моделью социального зла, с помощью которой он диагностировал негативно оцениваемые разнородные явления, достаточно далекие от того, что предусматривали постулаты французского мыслителя. Категорию определенного государственно-политического учения он трансформировал в широкий "нравственно-политический" критерий. Приведенные высказывания - окказиональные выражения имплицитной индивидуальной этики Вяземского.

В заключение укажем на еще одну группу высказываний, которые, представляя казалось бы периферию системы воззрений, помогают понять механизм перехода от одного ее состояния к другому (грубо говоря, от "раннего" к "позднему" - в этом плане они могут быть осмыслены и типологически). 2 мая 1833 года Вяземский писал Д.П.Северину: "Все не то, что было. И мир другой, и люди кругом нас другие, и мы сами выдержали какую-то химическую перегонку. <...> Некому сказать ты, нечего называть "наше" <...>" ⁹⁷. Сформу-

93 "Звенья", кн.6, с.292. Ср.кн.4 труда Монтескье.

94 "Звенья", кн.9, с.240.

95 "Литературное наследство", т.31-32, с.134.

96 Записные книжки, с.281.

97 "Русская старина", 1896, № 1, с.84-85.

лированное здесь общее представление о "другом мире" за пределами данного текста конкретизируется. Яркий пример такой конкретизации дает рецензия Вяземского на поэму Э. Кине "Наполеон", опубликованная во II томе "Временника". Изменения в сфере исторического знания определяются следующим образом: "История была прежде жертвоприношение, апофеозное служение; ныне она сомнение, изобличение и отрицание". К тому же типу явлений относена "стоглазая и сторукая журналистика, которая лежит на пороге храма славы" ⁹⁸ (далее, между прочим, следует стих Тредиаковского, взятый Радищевым в качестве эпитафии к "Путешествию из Петербурга в Москву"). В этой связи нетрудно указать целый ряд реальных обстоятельств общественной ситуации и литературной борьбы (активность коммерческой журналистики, критика, направленная против "Истории государства российского" и др.), но репрезентативность высказываний данной группы должна быть вскрыта и на более абстрактном уровне. Семантическая основа их - отождествление антитез "прошлое - настоящее (и будущее)" и "свое - чужое", т.е. в конечном счете противопоставление биографического и исторического времени. На этой основе надстраиваются соответствующие оценки, причем фиксируется не столько развитие новых явлений, сколько "инобытие" старых, - феномен, который мыслился Вяземским, а также и Пушкиным, как результат некоторого улагодного культурного эксцесса - нарушения границ тайного и явного, установленного и дебатированного, условного и мотивируемого (наконец, "поэзии" и "прозы"). Риторическая интродукция, открывающая цитированную рецензию Вяземского, посвящена обоснованию (в данной связи важно именно оно) тезиса "наши времена не эпические": "эпическое суеверие" стало невозможным, поскольку "наш

⁹⁸ Вяземский П.А. Полное собрание сочинений, т. II, с. 243.

век допытлив, исследователен, до крайности привязчив, мнителен, правдив и если лжет, то разве самому себе, и то из безусловной, фанатической любви к истине; а где клятва, там и преступление" ⁹⁹. Еще ранее, 4/16 октября 1834 года, Вяземский, давний сторонник гласности, с явным сожалением писал Д.Г.Бибикову: " <...> теперь нет закулисной политики: вся политика видна каждому с площади и всенародно преподается телеграфическими движениями и газетными станками. Сегодняшняя тайна кабинетов имеет завтра свою разгадку в журналах, а иногда еще и вчера" ¹⁰⁰. Отсюда же ироническое и отрицательное отношение к "соблазнительной" литературе "записок", которое выразил Пушкин в заметке "О записках Самсона" (вскоре он использовал эту тему в специальных целях борьбы с Булгариным). Вяземский еще в 1828 году назвал свое время "Век литографий, парокодов, /Fac simile, Записок век" ("Послание к А.А.Б. при посещении портрета"), а в рецензии на поэму Э. Кине в числе антиэпических явлений указал и записки герцога Сен-Симона.

При этом Пушкин и Вяземский так же стремились иметь собственный печатный орган, как и культивировать мемуарный жанр. Подобным же образом не всякая "допытливость" оценивалась отрицательно: если Пушкин объяснял распространение массовой мемуаристики "безнравственностью нашего любопытства" (XI, 34), то одновременно "аристократы" боролись за расширение обыденных представлений о нравственном в искусстве ¹⁰¹. По-видимому, в ценностном плане

⁹⁹ Вяземский П.А. Полное собрание сочинений, т. II, с. 242-243.

¹⁰⁰ Пушкинский сборник, вып. 5. М., 1906, с. 200. Речь идет о европейской прессе.

¹⁰¹ См. особ. предисловие Баратынского к "Наложнице" и его "Антикритику" в ответ на разбор поэмы Надеждиным. В некоторых существенных чертах к Баратынскому был близок Пушкин в одном из фрагментов "Опыта отражения литературных обвинений" (оба пародируют тип

различалась "откровенность", принадлежащая "своему" времени, несущая знак высокой духовности (Руссо - "Адолф" Констана - Байрон - молодая русская традиция), и принадлежащая "чужому" времени, ассоциируемая с "демократией" (типичным представителем которой для дворянской интеллигентской элиты был Н.Полевой). Хронологические и ценностные границы здесь, разумеется не совпадали. Возникшее разделение культурных "подъязыков" характеризовалось, в частности, тем, что старший из них осознал культуру как прошлое *par excellence*, а младший - как строяемое посредством критики и усовершенствования прошлого. Так, Пушкин находил у Белинского недостаток "уважения к преданию" (XII,97), у Радищева отвергал "слабоумное изумление перед своим веком" (XII,36). Вяземский, начиная со второй половины 20-х годов, подчеркивает ценность доромантического искусства. Критику "Истории государства российского" он отказывается обсуждать по существу, сравнивая оппонентов Карамзина с "известной во Франции черной шапкой, которая скупала на лом древние замки и памятники" ¹⁰². Пушкин с его историзмом и Вяземский с его (в указанном выше смысле) аисторизмом были едины в отрицательном отношении к историческому скептицизму и нарушению кодифицирующих культурных принципов (а именно в этой функции мыслилось ими существование такого текста, как "История государства российского") ради созидания будущей культуры. Именно в этом источник идеологического и эстетического консерватизма, господствовавшего в мировоззрении позднего Вяземского.

журнальной рецензии, оба ссылаются на "Федру" Расина). В статье о "Ревизоре" Вяземский присоединился к мнению Баратынского. Высокая оценка предисловия к "Паломнице" выражена Вяземским в письмах П.А.Плетневу от 31 января и 21 апреля 1831 года (Известия ОРЯС, 1897, т.II, кн.1, с.95-96).

102 Вяземский П.А. Полное собрание сочинений, т.II, с.221.

Министерство высшего и среднего специального образования
Латвийской ССР
Латвийский ордена Трудового Красного Знамени
государственный университет имени Петра Стучки
Кафедра русской литературы

Ученые записки
Латвийского государственного университета
имени Петра Стучки
том 215

П У Ш К И Н С К И Й С Б О Р Н И К

Выпуск 2

Редакционно-издательский отдел ЛГУ им. Петра Стучки
Рига 1974